

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2014 – № 3

**"МЯГКАЯ" И "ЖЕСТКАЯ" СИЛА
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН**
"SOFT" AND "HARD" POWER IN THE FOREIGN
POLICY OF THE EUROPEAN COUNTRIES

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2014

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №3 / 2014**

«Агентство научных изданий»

2014

УДК 331.5
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №3 / 2014 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2014 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Анализируются механизмы реализации концепций «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике европейских государств. Оценивается практика использования «мягкой» и «жесткой» силы в урегулировании конфликтов и продвижении демократии в арабских странах и государствах Среднего Востока. Для научных работников, сотрудников государственных учреждений, преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов.

УДК 331.5
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
«Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке	11
«Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Актуальные проблемы Европы № 3 / 2014 «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике европейских стран

Сведения об авторах

Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет мировой экономики и мировой политики, кафедра мировой политики. И.о. заведующего кафедрой, профессор.

Центр комплексных европейских и международных исследований: ведущий научный сотрудник.

Bratersky M.V. – doctor of Sciences (Sc.D.) in Political Science. National Research University Higher School of Economics. Faculty of World Economy and International Affairs, Department of International Affairs: Acting Department Head, professor.

Center for Comprehensive European and International Studies, Leading Research Fellow. (mbratersky@hse.ru)

Долгов Борис Васильевич – кандидат исторических наук. Центр арабских и исламских исследований. Институт востоковедения РАН. Старший научный сотрудник.

Dolgov B.V. – candidate of sciences (Ph.D in History). Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences. Centre for Arab and Islamic Studies. Senior researcher. (boris-dolgov@mtu-net.ru)

Лапина Наталья Юрьевна – доктор политических наук. ИНИОН РАН. Отдел глобальных проблем. Главный научный сотрудник.

Lapina N. Yu. – doctor of Sciences (Sc.D.) in Political Science. INION, Russian Academy of Sciences. Department of global problems. Principal researcher. (lapina_n@mail.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук ИНИОН РАН. Отдел Западной Европы и Америки. Заведующая отделом.

Novikova O.N. – candidate of sciences (Ph.D in History). INION, Russian Academy of Sciences. Department of West Europe and America. Head of the Department. (novikova@inion.ru)

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета. ИНИОН РАН. Отдел Западной Европы и Америки. Старший научный сотрудник.

Pogorelskaya S.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science, Ph.D (University of Bonn). INION, Russian Academy of Sciences. Senior researcher. (pogorels@mail.ru)

Трунов Филипп Олегович – аспирант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики, преподаватель.

Trunov Ph.O. – post-graduate. Lomonosov Moscow State University. Faculty of World Politics, Lecturer. (l1trunov@mail.ru)

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, доцент. Председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Shlykov P.V. – candidate of sciences (Ph.D) in History. Lomonosov Moscow State University. Institute of Asian and African Studies. Middle Eastern History Department, assistant professor.

Chairman of the Council for Young Scientists of the Institute of Asian and African Studies.
(chlykov@gmail.com)

Введение

«Лучше завоевывать сердца людей, чем города, в которых они живут».

«Искусство войны» Сунь-Цзы

Многие ученые подвергали анализу категорию «силы» в международных отношениях (И. Кант, Т. Гоббс, Г. Моргентау, К. Уолтц, Р. Кохейн, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и др.), которая подразумевает способность одного государства вынуждать другое государство действовать в своих интересах и устанавливать систему зависимости и подчинения.

Способы добиться этого могут быть разные. Во-первых, это прямое насилие – война и отдельные вооруженные акции, кроме того, угроза применения силы, наращивание военного потенциала и демонстрация военной силы. Военная, «жесткая» сила по-прежнему востребована, продолжает определять политическую повестку дня и присутствует в расчетах государственных деятелей. В международных отношениях вооруженные силы и угроза их использования являются важнейшим материальным ресурсом, определяющим мощь государства. Однако многие исследователи считают, что в настоящее время сокращается эффект от ее использования на международной арене для достижения политических целей и снижается ее значение. «Военная сила останется инструментом политики, но в условиях глобализации, растущей экономической и гуманитарно-информационной взаимозависимости стран ее роль относительно уменьшилась по сравнению с другими (“мягкими”) факторами силы и национальной безопасности», – утверждает А. Арбатов (1).

И даже наращивая военную силу, не удастся компенсировать просчеты в использовании «мягкой» силы, особенно ее идейно-психологического аспекта. Только развивая другие виды силы, можно вообще отказаться от использования «жесткой» силы. Г. Моргентау, например, полагал: «Методы культурного империализма позволяют одержать столь убедительную победу, что делают другие методы избыточными. Роль культурного империализма в современные времена важна в связи с возможностью подготовить почву для военного захвата либо экономического воздействия» (7, с. 57).

Так называемая «мягкая» сила стала неотъемлемой частью современной международной политики, говорится в новой «Концепции внешней политики РФ», принятой в 2013 г. «Мягкая» сила определяется в документе как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы» (4). По словам Джозефа Ная¹, который ввел в научный оборот данный термин еще в 1990 г. в монографии «Призвание к лидерству: Меняющаяся природа американской мощи» (8), «мягкая» сила – это способность влиять на других для достижения желаемого результата за счет привлекательности и убеждения. Затем ученый развил свои идеи в книге 2004 г. «Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике» (10). В следующей своей работе «Будущее силы» (9) Дж. Най дает рекомендации по реализации стратегии «умной силы» в XXI в. «“Умная” сила, – объясняет он, – это сочетание “жесткой” силы принуждения и экономического воздействия с “мягкой” силой убеждения и привлекательности. Концепция “умной” силы повлияла на политику администрации Б. Обамы. В своем выступлении перед Советом по международным отношениям тогдашний государственный секретарь Х. Клинтон подчеркнула, что стратегия “умной” силы – “главная в нашем мышлении и при принятии решений”» (6). Знаменательно, что Ричард Хаас, председатель совета, спросил, как может Америка проводить внешнюю политику, как будто у

¹ Дж.С. Най – американский политолог, заслуженный профессор Гарвардского университета.

нее неограниченные ресурсы, притом что долг США приближается к размеру ВВП и дефицит бюджета 1,5 трлн долл. (6). Вопрос Р. Хааса напоминает нам о неоспоримом факте влияния денег и экономической мощи на внешнюю политику страны и на мировую политику вообще. Этой теме посвящена опубликованная в данном журнале статья М.В. Братерского «Экономическая мощь в мире "жесткой" и "мягкой" силы».

«Мягкая» сила определяется как производное трех частей: культуры народа, формирующего государство, – тех ее элементов, которые могут быть привлекательны для других; его политических ценностей, которых оно придерживается как внутри страны, так и за своими пределами; внешней политики государства, которая должна быть законной и морально оправданной (3). «Мягкая» сила направлена на продвижение позитивного образа государства в мире и расширение культурного присутствия, на создание адекватного представления о содержании внутри- и внешнеполитического курса страны. Один из авторов данного издания, Н.Ю. Лапина, исследует особенности восприятия России французскими гражданами и дает рекомендации по улучшению образа Российской Федерации за рубежом.

В XXI в. центр тяжести в сфере международной безопасности переместился. Биполярная конфронтация перестала быть главной угрозой миру. Важнейшими вызовами стали локальные конфликты, в основе которых часто лежат цивилизационные противоречия. «Арабскую весну» можно рассматривать как часть борьбы арабских стран за свою цивилизационную идентичность на базе исламских ценностей. Мусульмане отрицают индивидуализм, материализм, потребительство, отсутствие четких моральных ориентиров, реализацию прав в отрыве от обязанностей, присущие «цивилизации модерна». Но господствующая цивилизация пока еще не готова прислушаться ко все громче раздающимся голосам других цивилизаций. Иногда борьба за свои ценности принимает радикальную форму и ведется экстремистами. Наряду с цивилизационными в развивающихся странах нарастают этнические и религиозные противоречия, не удается обуздать международный терроризм и избежать кризисов, связанных с распространением ядерного оружия.

Европейские государства проводят внешнюю политику, пытаются нейтрализовать возникающие угрозы своим национальным интересам (как они их понимают), а также борясь за контроль над мировыми энергетическими ресурсами, стремясь укрепить свое влияние в целом ряде регионов, например на Ближнем и Среднем Востоке в период «арабской весны». Методы осуществления этой политики различны. Где-то они применяют «жесткую» силу, в других случаях – «мягкую», а иногда – комбинацию этих двух методов проведения внешнеполитического курса. При этом необходимо отметить, что применение «жесткой» силы в обход Устава ООН или на основе односторонней трактовки резолюций Совета Безопасности не может ликвидировать межэтнические, социальные, религиозные противоречия, породившие конфликты и кризисы в данном регионе. Напротив, происходит расширение конфликтного пространства. И последствия для самих западных стран при этом неоднозначны. Как отмечается в исследовании, проведенном Советом по международным делам, «в ходе событий наметилось снижение влияния на регион таких глобальных игроков, как США и ЕС. Застигнутые врасплох "арабским пробуждением", и те и другие в первые месяцы проявили явное замешательство, которое впоследствии сменилось курсом на активную поддержку повстанческих движений, смену режимов (за исключением Бахрейна), в том числе с помощью прямого силового вмешательства, и выстраиванием отношений с новыми политическими силами. Вместе с тем внешнеполитический курс США, направленный на сокращение их военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, и внутренний кризис в ЕС наряду с имеющимся негативным опытом политического "инжиниринга" путем военного вмешательства (Ирак, Афганистан, Ливия) и общей непредсказуемостью ситуации в регионе приводят к нежеланию глобальных игроков брать на себя всю ответственность за будущее арабского мира» (5, с. 12).

В начале нынешнего десятилетия после терактов в Америке и Европе казалось, что подъем исламского радикализма объединил Запад и Россию, которая стала оказывать помощь коалиционной антитеррористической операции в Афганистане, правда, напрямую не участвуя в ней. Однако в период «арабской весны» наши позиции разошлись. Анализ политики Запада на Большом Ближнем Востоке с применением рычагов «мягкой» и «жесткой» силы представлен в работах Б.В. Долгова и О.Н. Новиковой.

На примере деятельности европейских стран на Большом Ближнем Востоке в период конфликтов и кризисов мы видим, что главными акторами международной политики, особенно в области применения «жесткой» силы, остаются все же государства. Вместе с тем замечено, что власть частично перетекает от государства к негосударственным акторам. Возрастающее количество угроз (например, нестабильность мировой финансовой системы и терроризм) возникает вне зоны государственного контроля. В своих исследованиях Дж. Най констатирует, что происходит распыление власти, многие опасные проблемы ускользают из-под контроля даже мощных мировых держав, появляются новые игроки и мировая сцена становится более тесной и неуправляемой. Выдающийся политический деятель ФРГ Вилли Брандт в свое время говорил о том, что международные отношения настолько важны, что их нельзя отдавать на откуп только государственным органам. Дипломатическая сфера перестала быть исключительной прерогативой государства, успех на международной арене во многом зависит от совместных усилий государственных и негосударственных структур. Инструментами реализации «мягкой» силы в научной, культурной, экономической, информационной и гуманитарной областях являются не только государственные, но и некоммерческие неправительственные и религиозные организации, неправительственные структуры, в том числе в сотрудничестве с международными и региональными организациями.

Крупнейшая структура, являющаяся, по выражению одного из авторов данного выпуска журнала П.В. Шлыкова, квинтэссенцией «мягкой» силы, – это Европейский союз. Именно ее ЕС применяет в процессе глобального проецирования своих экономических интересов и распространения своей системы ценностей, стандартов в области прав человека и демократии. Члены Европейского союза демонстрируют другим странам мира несомненные достижения в торговой, инвестиционной, научно-технической сферах, несмотря на финансово-экономический кризис. Евросоюзу удалось создать привлекательный образ структуры, поддерживающей высокие стандарты политической культуры и социального развития. В отношении государств, стремящихся войти в ЕС, он применяет принцип политической обусловленности, который успешно сработал в отношении стран Центральной и Восточной Европы. Турция – это особый случай, который рассматривается в данном выпуске П.В. Шлыковым, анализирующим многоуровневое воздействие ЕС на страну-чемпиона по длительности пребывания в статусе кандидата. Автор показывает, как ЕС включает в орбиту своей политики турецкие неправительственные организации, превращая сотрудничество в сфере гражданского общества в один из базовых инструментов своей внешней политики. Автор вскрывает фундаментальные ограничения «мягкой» силы ЕС, связанные с концептуальными особенностями турецкой политической культуры и гражданского общества.

Деятельности германских политических фондов, мощных инструментов «мягкой» силы ФРГ, посвящена размещенная в данном выпуске журнала статья С.В. Погорельской. Особое место этих организаций определяется их специфическими связями с ведущими политическими партиями страны и характером финансирования. Весьма плодотворной является работа фондов в области поддержки демократического процесса в развивающихся государствах и их деятельность в сфере кризисного регулирования.

Влиятельный международный инструмент «мягкой» силы – это Организация Объединенных Наций. Российский исследователь Ю. Давыдов отмечает: «В отличие от внутренней, международная политика реализуется в среде, где нет высшего органа управления, который

выносил бы свои приговоры о правомерности действий субъектов международных отношений, прежде всего государств. В этой среде нет, следовательно, и гаранта их мирного сосуществования, гаранта их "нравственного поведения". Государство обладает монополией на политическую власть только в пределах собственных национальных границ. Вне их оно – лишь одно из многих формально равноправных, политически независимых субъектов. То есть во внешней среде фактически нет постоянного учреждения, стоящего над государствами и наделенного властными полномочиями создавать законы (нормы) их поведения и разрешать их споры» (2). Действительно, самая авторитетная международная организация не может осуществлять «жесткую» силу, но является инструментом «мягкой» силы в международных отношениях. Наибольшим влиянием и возможностями в ООН пользуются постоянные члены Совета Безопасности. В работе Ф.О. Трунова прослеживаются усилия ведущей европейской державы – ФРГ – по обретению места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Мы предполагаем, что в долгосрочной перспективе эта страна – самая мощная экономика Европы – его получит и расширит таким образом свои возможности по проецированию политики «мягкой» силы в мире.

Список литературы

1. Арбатов А. Угрозы реальные и мнимые: Военная сила в мировой политике начала XXI века // Московский Центр Карнеги. – 2013. – 3 марта. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/publications/?fa=51160>
2. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Том 2, № 1(4). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>
3. Казаринова Д.Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности // Политическая стабильность: Новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования / Зубкова А.И., Иванов В.Г., Казаринова Д.Б., Кутелева А.В., Ярославцева А.О. – М.: РУДН, 2012. – С. 104–117. – Режим доступа: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_832714d57ad862c1f36665879f8bc585
4. Концепция внешней политики Российской Федерации / МИД РФ. – 303-18-02–2013. – 2013. – 18 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F
5. Россия и Большой Ближний Восток / В.В. Наумкин (рук.) и др.; Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 52 с.
6. A conversation with U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton // Council on foreign relations. – Wash., DC. – 2010. – 8 September. – Mode of access: <http://www.cfr.org/diplomacy-and-statecraft/conversation-us-secretary-state-hillary-rodham-clinton/p22896>
7. Morgenthau H. Politics among nations: The struggle for power and peace. – 2 nd ed. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1955. – 630 p.
8. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
9. Nye J. The future of power. – N.Y.: Public Affairs, 2011. – 320 p.
10. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 208 p.

О.Н. Новикова

«Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке

Б.В. Долгов

Аннотация. В статье раскрывается, как ведущие страны ЕС используют концепции «мягкой» и «жесткой» силы для достижения своих внешнеполитических целей на Ближнем и Среднем Востоке. Показаны различные факторы, влияющие на внешнюю политику европейских государств. Утверждается, что цели по продвижению демократии и урегулированию конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке с использованием «мягкой» и «жесткой» силы европейских стран не были достигнуты.

Abstract. The article explores the way the leading EU-countries use the conceptions of «soft» and «hard» power in order to achieve their purposes in the Middle East. The author shows different factors that influence foreign policy of the European states, asserts that the goals of the democracy promotion and conflict settlement in the Middle East, using both «soft» and «hard» power, were not attained.

Ключевые слова: «мягкая» и «жесткая» сила, Ближний и Средний Восток, внешнеполитические интересы, ведущие страны ЕС.

Keywords: «soft» power and «hard» power, Middle East, foreign policy interests, leading EU-countries.

Страны Европейского союза (ЕС) вслед за США приняли на вооружение и пытаются реализовать в своей внешней политике концепцию «мягкой» силы («soft» power). «Мягкая» сила как форма политического воздействия подразумевает способность контролировать и направлять поведение активной части общества и добиваться желаемых для применяющего «мягкую» силу результатов на основе добровольных действий граждан, в отличие от «жесткой» силы, которая предполагает принуждение и силовое вмешательство.

Термин «мягкая сила» в современном его понятии впервые ввел в оборот профессор Гарвардского университета США Джозеф Най в опубликованной в 1990 г. книге «Призвание к лидерству: Меняющаяся природа американской мощи» (10). Затем он развил это понятие в своей книге «Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике», вышедшей в 2004 г. (11). «Мягкая» сила здесь определяется, как «способность получить желаемый результат посредством внедрения привлекательного образа культуры страны и ее политических идеалов». Как отмечает Дж. Най, «Америка достигала значительных успехов в использовании “мягкой” силы, когда привлекательность таких ее ценностей, как демократия, права человека, развитие индивидуальных возможностей, действовала гораздо эффективнее, чем использование “жесткой” силы» (11, с. 10).

Применение «мягкой» силы для достижения внешнеполитических целей тем не менее не является неким американским «ноу-хау». Она использовалась, вероятно, с тех пор, как возникли государства и внешняя политика. Так, например, формулирование идеи использования «мягкой» силы для распространения своей гегемонии на другие страны приписывается еще древнекитайским философам, в частности Лао-цзы, жившему в VI в. до н.э.

В период Первой и Второй мировых войн германские пропагандистские структуры, действовавшие на Ближнем и Среднем Востоке, пытались представить Германию как страну, дружественную мусульманам и стремящуюся освободить их от английских и французских колонизаторов. С этой же целью в Германии создавались т.н. «комитеты за независимость» арабских стран, являвшихся колониями или входивших в орбиту влияния Англии и Франции. Представители этих «комитетов» вели пропагандистскую работу и формировали группы «агентов влияния» для создания прогерманских настроений в арабском общественном мнении.

В свою очередь, Англия во время Первой мировой войны позиционировала себя в арабском мире как сторонника объединения арабов в борьбе против османского ига. Во многом благодаря усилиям Англии и действиям резидента английской разведки Т.Э. Лоуренса (знаменитого Лоуренса Аравийского) в 1916 г. в Аравии началось восстание против власти османского султана, союзника Германии.

Эффективность применения «мягкой» силы в период холодной войны Дж. Най подтверждает тем, что за «железным занавесом» молодежь в странах Восточной Европы и СССР слушала новости на каналах радиостанций «Свободная Европа» и «Голос Америки», танцевала рок-н-ролл, одевалась по западной моде и старалась подражать западному образу жизни (11, с. 49, 102–106). Крах «социалистического лагеря» и распад СССР наряду с другими внешними факторами и причинами внутреннего характера также стали результатом использования в холодной войне против СССР «мягкой» силы. Коллапс СССР и, как его следствие, прекращение существования биполярного мира, ставшее важнейшим событием XX в. и во многом определившее дальнейшее развитие мирового сообщества, привели к значительным изменениям в мировой политике. Если в период противостояния двух военно-политических блоков главным и незыблемым принципом международных отношений, закрепленным в Уставе ООН, являлся государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела суверенных государств, то после краха «советского блока» возобладал принцип права иностранного вмешательства с целью «гуманитарной интервенции», защиты соблюдения прав человека и продвижения демократии, что предоставляет широкую возможность использования «мягкой» и «жесткой» силы на международной арене.

В настоящее время разработан целый комплекс механизмов воздействия и способов внешнего вмешательства, ориентированных на использование в странах, являющихся потенциальными объектами применения «мягкой» силы. В этот комплекс наряду с пропагандой таких политических ценностей и институтов, как демократические выборы, многопартийность, соблюдение прав и свобод человека, в том числе сексуальных меньшинств, входят информационные, коммуникационные и морально-психологические методы воздействия, которые иногда применяются с нарушением норм международного права. Конкретными целями использования «мягкой» силы может быть смена государственного руководства, качественное изменение внутри- или внешнеполитического курса государства, его полная или частичная дезинтеграция, установление над страной внешнего контроля. Важным элементом является формирование внутри страны, против которой используется «мягкая» сила, групп «активистов» и «лидеров», способных организовать «протестные акции» для оказания политического и морально-психологического давления на власть. Для этого создается сеть неправительственных и некоммерческих организаций (НПО, НКО), официально провозглашающих своей целью гуманитарную и правозащитную деятельность. Извне им предоставляется необходимое финансовое обеспечение, а также оказывается информационно-пропагандистская поддержка со стороны СМИ, специализированных интернет-сайтов, социальных сетей и блогосферы. Тем не менее очевидно, что нельзя все протестные акции в тех или иных странах объяснять только действиями извне «мягкой» силы. Точно так же неправомерно оценивать деятельность всех неправительственных и правозащитных организаций, безусловно, являющихся частью гражданского общества, как инспирированную иностранной «мягкой» силой. В данном случае речь идет о тех организациях, которые финансируются из-за рубежа и, соответственно, являются элементом внешней «мягкой» силы. Однако в тех государствах, где существуют внутренние социально-экономические и политические проблемы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, «мягкая» сила может быть задействована с наибольшим эффектом. Ее использование направлено в первую очередь на разжигание этих конфликтов. Причем применение «мягкой» силы предполагает в качестве «локомотива» провоцируемых ею «протестных движений»

использовать наиболее мобильные и социально незащищенные слои, как правило, молодежь и определенные группы населения, по каким-либо причинам наиболее оппозиционные властям.

Как подтверждают примеры последних лет, «мягкая» сила может использоваться в комбинации с элементами «жесткой» силы, предполагающими наложение экономических санкций, «замораживание» зарубежных авуаров, включение неугодных руководителей государств в «черные списки» и прямое военное вмешательство в форме «гуманитарных интервенций». Использование «мягкой» силы, так же как и «жесткой» или их сочетания, происходит, как правило, под предлогом защиты «мирных протестов сторонников демократизации», соблюдения прав человека, урегулирования конфликтных ситуаций и продвижения демократии.

Первым примером применения США и ЕС сочетания «мягкой» и «жесткой» силы в «постбиполярный» период было вмешательство НАТО в конфликт в Югославии в 1999 г., ее дезинтеграция и отстранение от власти президента Милошевича. Следующим было использование «жесткой» силы со стороны США в Ираке в 2003 г. Американская интервенция началась под предлогом наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения. Затем, когда оно так и не было обнаружено, предлогом стала необходимость свержения «тирана» и продвижения демократии. Причем во время бомбардировок как в Сербии, так и в Ираке американские ВВС применяли заряды с обедненным ураном, в результате чего происходило радиационное заражение местности, от которого до настоящего времени страдают жители этих стран². Если в Югославии США и ЕС действовали консолидированно, то в отношении вторжения в Ирак позиции в ЕС разделились. Франция и Германия, осуждая режим Саддама Хусейна, тем не менее выступили против не санкционированного ООН военного вмешательства, что, однако, не помешало США и поддержавшему их большинству членов НАТО разгромить и оккупировать саддамовский Ирак. В результате применения «жесткой» силы и девятилетней оккупации в Ираке были созданы все формальные институты демократического государственно-политического устройства – многопартийная система, парламент, всеобщие выборы исполнительной и законодательной власти. Наряду с этим произошла частичная дезинтеграция Ирака – район иракского Курдистана де-факто стал независимым. В стране обострились суннитско-шиитские противоречия, резко возросла активность террористических группировок, в том числе связанных с «Аль-Каидой».

Наиболее ярким примером использования «жесткой» силы с элементами «мягкой» явилось вмешательство НАТО, осуществленное в 2011 г. в Ливии. Его инициаторами выступили Франция и Англия. Предлогом стало выступление ливийских противников режима Муамара Каддафи, поднявших в г. Бенгази мятеж, который руководство Каддафи пыталось жестко подавить. Оппозиционные выступления были обусловлены как внутренними, так и внешними причинами. К первым относились недовольство части населения семьей Каддафи и приближенными к ней кланами, узурпировавшими власть в стране, межплеменное и межклановое противоборство, связанное с распределением нефтедолларовых финансовых потоков, а также действия исламистских группировок против режима Каддафи.

Структура ливийского общества в достаточной степени представлена кланово-племенным конгломератом, в котором существенную роль играют суфийские ордена, в частности орден сенуситов. Влияние этого ордена больше всего распространено на востоке Ливии, в Киренаике. Ливия исторически делится на две части – восточную, Киренаику, с центром в г.

² В 1999 г. Австрия обвинила НАТО в радиоактивном заражении акватории Дуная и инициировании здесь экологической катастрофы в результате бомбардировок с применением обедненного урана и запретила пролет военных самолетов НАТО через свое воздушное пространство. В районы Сербии, пострадавшие от радиоактивного заражения, до настоящего времени запрещен въезд. Об увеличении в десятки раз числа онкологических заболеваний в районах Ирака, подвергшихся бомбардировкам, говорилось в репортажах Евроньюс и свидетельствах иракских граждан на пресс-конференциях РИА «Новости» в Москве, где присутствовал автор. Также в репортажах Евроньюс сообщалось, что несколько десятков итальянских военнослужащих, находившихся на иракской территории, ранее подвергшейся бомбардировкам, получили значительную дозу облучения.

Бенгази, и западную, Триполитанию, куда входит автономный район Феццана и где расположена столица страны г. Триполи. Киренаика исторически оппозиционна к центральной власти, представленной в Триполи, и настроена сепаратистски. Из Киренаики происходил ливийский король Идрис I (принадлежавший к сенуситам), который в 1969 г. был свергнут революцией, возглавлявшейся М. Каддафи. Поэтому появление у повстанцев, выступивших против Каддафи, государственных флагов Ливии времен короля Идриса I нельзя считать случайностью. В свою очередь, радикальные исламистские группировки, такие как «Ливийская исламская боевая группа» (ЛИБГ), действовали в Ливии с 1990-х годов наряду с проникавшими туда боевиками из алжирской группировки «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). Протестные манифестации против режима Каддафи вскоре переросли в вооруженное восстание, которое поддерживалось и разжигалось из-за рубежа.

Ливийскими властями в тот период были опубликованы различные факты и свидетельства иностранного вмешательства в Ливии, а именно – финансирование сотрудниками спецслужб США «оппозиционных лидеров» и организаторов «протестных манифестаций», завоз и складирование на территории Ливии оружия, наркотиков и пропагандистских материалов, осуществлявшиеся гражданами Египта, Афганистана, Ливана (1, с. 30). Тактика организаторов мятежа сводилась к формированию в районах Киренаики оппозиционных групп молодежи с раздачей им легких наркотиков и наличных денег (по 300–500 долл. США). Затем эти группы нападали на органы местной власти, полицейские участки, военные объекты. За ними вступали в действие группы вооруженных боевиков по 20–30 человек, стрелявшие в полицейских, военных и верных режиму госслужащих. В то же время в западной и центральной части Ливии не было никаких протестных манифестаций, а в Киренаике в них участвовало менее 30% населения. В Бенгази был сформирован Переходный национальный совет (ПНС) во главе с перешедшим на сторону «оппозиции» бывшим министром юстиции Мухаммедом Абдель Джалилем. В ПНС вошли оппозиционные лидеры, в том числе руководитель ЛИБГ Абдель Хаким Бель-Хадж, объявившие себя «подлинными законными представителями ливийского народа». Главной вооруженной силой «оппозиции» стали радикальные исламистские группировки, ранее преследовавшиеся режимом Каддафи. В их рядах находились также наемники-исламисты, которые начали прибывать в Ливию из арабских стран, Афганистана и мусульманской диаспоры Европы.

Внеочередная сессия ЕС и руководство США приветствовали создание ПНС и признали его в качестве «политического партнера» для дальнейших переговоров. Применение ливийскими властями силы против «протестных демонстраций» было осуждено ЕС, США и большинством международного сообщества. СБ ООН одобрил наложение санкций на Ливию. Президент Франции Н. Саркози предложил ввести режим «закрытого воздушного пространства» над Ливией, чтобы помешать Каддафи использовать военную авиацию против мирного населения. За такую же рекомендацию для СБ ООН проголосовала большинство голосов Лига арабских государств (ЛАГ) на экстренном заседании по ситуации в Ливии (против голосовали Алжир и Сирия). В свою очередь, Франция и Англия выдвинули совместную инициативу: нанести силами НАТО точечные ракетно-бомбовые удары по военным объектам, удерживаемым сторонниками Каддафи. Резолюция СБ ООН № 1973 была принята в марте 2011 г. и предполагала кроме закрытия ливийского воздушного пространства также принятие необходимых мер для недопущения использования ливийскими властями военной силы против мирного населения.

Следует отметить, что до начала протестных выступлений в Ливии между режимом Каддафи и ЕС существовали достаточно тесные торгово-экономические связи. Ливия снабжала углеродными энергоносителями страны ЕС. Особенно это касалось Италии, которая получала из Ливии 25% нефти и 12% природного газа. Наряду с этим Ливии принадлежало 15% акций автоконцерна «Фиат», примерно 2% акций в итальянском «Юникредит банке»

и даже некоторое количество акций футбольного клуба «Ювентус». В свою очередь, Италия, Германия и Франция поставляли в Ливию оружие, в том числе боевые самолеты, средства ПВО, бронетехнику, электронное оборудование. Сотрудники американского ЦРУ совместно с ливийскими спецслужбами проводили допросы арестованных радикальных исламистов. Между Ливией и Италией существовали также соглашения по борьбе с нелегальной эмиграцией. Президент Сильвио Берлускони радушно принимал Каддафи в Риме, извинялся за «колониальное прошлое», обещая выплатить миллиардные компенсации и даже, по сообщениям ряда СМИ, «делился с Каддафи девушками из своего сопровождения» (1, с. 69). Президент Франции Николя Саркози не менее радушно встречал Каддафи в Париже, где во время визита ливийского лидера была установлена его бедуинская палатка. Кроме этого, как утверждал сын Каддафи Сейф аль-Ислам, Саркози получил от семьи Каддафи 50 млн евро на свою предвыборную кампанию в 2007 г. (4; 13).

Тем не менее, используя резолюцию СБ ООН, Франция, Англия и США приступили к массированным бомбардировкам ливийских военных объектов, а также позиций ливийских войск, верных М. Каддафи, и резиденций самого Каддафи. В СМИ появлялись сообщения о том, что президент Б. Обама санкционировал операции ЦРУ по уничтожению самого М. Каддафи. В октябре 2011 г. в окрестностях г. Сирта натовскими ВВС была обстреляна колонна автомашин, в которой находились Каддафи и некоторые члены его руководства, которые затем, как сообщало большинство СМИ, были убиты атаковавшими их повстанцами³.

Семимесячные военные действия (с марта по октябрь 2011 г.) привели к падению режима Каддафи. По различным данным, на последних этапах в «битве за Ливию» (взятие повстанцами ливийской столицы г. Триполи в августе 2011 г.) наряду с продолжающимися ракетно-бомбовыми ударами авиации в сражениях на стороне повстанцев непосредственно принимали участие спецподразделения НАТО. После двухмесячной осады, непрерывных артиллерийских обстрелов и бомбардировок в октябре 2011 г. повстанцы взяли г. Сирт (родину М. Каддафи), последний оплот сторонников Каддафи.

Во время применения «жесткой» силы НАТО в Ливии западные СМИ развернули беспрецедентную информационную войну против режима Каддафи, главной целью которой было представить Каддафи как «жестокого диктатора» и «кровавого тирана». Некоторые репортажи из Ливии, транслировавшиеся сразу несколькими известными западными агентствами, отличались такой абсурдностью, что, вероятно, производили эффект, обратный тому, на который рассчитывали их создатели. Так, например, сообщалось, что руководство Каддафи закупило несколько вагонов средства «Виагра» для раздачи солдатам правительственной армии, с тем чтобы они насиловали женщин в районах, контролируемых повстанцами. Причем журналисты из перепечатавших этот репортаж российских СМИ вполне серьезно обращались с просьбой прокомментировать данное сообщение в Институт востоковедения РАН, где работает автор этих строк.

За семь месяцев операции, по данным НАТО, авиация Альянса осуществила более 26 тыс. самолетовылетов, из них более 10 тыс. боевых. За каждый боевой вылет уничтожалось 3–4 цели, среди которых были не только военные объекты, но и административные здания, жилые дома, системы жизнеобеспечения. За время вооруженного противостояния погибло более 50 тыс. ливийских граждан. Главным инициатором военной операции в Ливии, Франции и Англии, она стоила соответственно 300 млн и 340 млн евро. Руководители США, Англии, Франции, Германии, Италии и Генеральный секретарь ООН выразили удовлетворение в связи с ликвидацией М. Каддафи и уверенность в том, что в истории Ливии начина-

³ Существуют и другие версии гибели М. Каддафи. Так, Махмуд Джабриль, председатель движения «Альянс национальных сил Ливии», на пресс-конференции в Москве 28 февраля 2013 г., на которой присутствовал автор этих строк, заявил, что «М. Каддафи активно сотрудничал со странами Запада по линии спецслужб. Поэтому в его гибели были заинтересованы иностранные силы, с тем чтобы все секреты, которые знал Каддафи, умерли вместе с ним».

ется «новый этап демократического развития». Для ведущих стран Запада результатом крушения режима Каддафи может стать обеспечение доступа к нефтегазовым ресурсам Ливии, являющимися одними из самых крупных в арабском мире, а также к ее многомиллионным авуарам в иностранных банках и недвижимости за рубежом, распорядителями которых в качестве доверенных субъектов новых ливийских властей становятся финансово-экономические структуры все тех же стран Запада. Наряду со стремлением получить доступ к ливийским нефтегазовым ресурсам у ведущих стран НАТО имелись и политико-идеологические мотивы для того, чтобы избавиться от непредсказуемого Муаммара Каддафи. Руководители западных держав, несмотря на нормализацию отношений с Ливией в 2000-х годах, не забывали, что Каддафи после прихода к власти ликвидировал американскую и английскую военные базы в Ливии, национализировал нефтегазовый комплекс (2, с. 355), провозгласил (как Саддам Хусейн в Ираке и Хафез Асад в Сирии) строительство в Ливии национального «исламского социализма». Каддафи обвиняли в финансировании различных радикальных антизападных группировок, в том числе в причастности ливийских спецслужб к взрыву пассажирского самолета над английским городом Локерби в 1988 г., а также в поддержке антиизраильских акций Палестинского движения сопротивления (ПДС).

В настоящее время новая власть в Ливии не в состоянии полностью контролировать ситуацию в стране, несмотря на избрание парламента, создание политических партий, начавшийся процесс выработки конституции и формирование в конце 2012 г. временного правительства. Власть на местах фактически принадлежит местным кланово-племенным структурам, имеющим свои вооруженные формирования, большинство которых состоит из воевавших против Каддафи «повстанцев». В Ливии происходят столкновения между созданными новой властью правоохранительными органами и вооруженными отрядами исламистов, а также террористические акции против иностранных представительств и конфессиональных меньшинств. Так, в начале лета 2012 г. был совершен теракт против кортежа английского консула, в августе – теракт против первого секретаря посольства Египта и двойной теракт против штаб-квартиры МВД и полицейской академии в Триполи. Продолжаются убийства военных, ранее служивших в армии Каддафи. В сентябре 2012 г. в г. Бенгази было совершено нападение на американское консульство, во время которого были убиты четверо американских граждан и среди них посол США. В 2013 г. нападениям подверглись посольства ряда стран ЕС, а также России. В стране набирают силу центробежные тенденции, о чем свидетельствует провозглашение в марте 2012 г. Союзного федеративного района Барка (Киренаика) и формирование там автономных органов власти, включая МВД и Министерство нефти (на территории Киренаики проживает 2 млн человек, т.е. примерно треть населения Ливии, и сосредоточены 80% запасов ливийской нефти). А в г. Дерна (на востоке Ливии) создан эмират, живущий по законам шариата. Имеют место агрессивные акции против христиан. Так, в марте 2013 г. в г. Бенгази была сожжена коптская христианская церковь и были совершены нападения на священников и представителей коптской христианской общины. Нестабильная внутривластная обстановка, ухудшение ситуации с общественной безопасностью, а также репрессии, проводимые против сторонников свергнутого режима, привели к массовой эмиграции из Ливии (по ряду данных, эмигрировали около 2 млн человек).

В то же время в самой Ливии происходит усиление радикального исламизма, что ведет к его распространению за пределы страны. Примером тому служит ситуация в Мали, северные районы которого весной 2012 г. были захвачены вооруженными отрядами туарегов, ранее воевавшими в Ливии на стороне Каддафи, а также «Национальным движением за освобождение Азавада» (НДОА). Их поддержал ряд исламистских группировок, таких как «Исламское движение Азавад», «Ансар ад-дин» («Борцы за религию»), «Группа таухида⁴ и джихада⁵

⁴ Таухид (араб.) – догмат в исламе о единстве и единственности Аллаха, отрицание политеизма.

на западе Африки» и «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). На захваченной территории Мали было провозглашено независимое государство Азавад (страна туарегов), законодательной базой которого стал шариат. В начале 2013 г. военное вмешательство Франции, которая имеет в Мали значительные интересы (французские компании занимаются здесь добычей золота и урана), предотвратило дальнейшее продвижение исламистов. Тем не менее в регионе продолжают их террористические акции. Например, в январе 2013 г. в Алжире одна из группировок АКИМ, проникшая в страну из Ливии, осуществила захват более 100 иностранных заложников (из стран ЕС, США и Японии), повлекший за собой гибель 38 из них. В марте 2013 г. в Центральноафриканской Республике (ЦАР) произошел государственный переворот, осуществленный исламистскими группировками «Бока Харам» и «Селека» (лидер последней объявил себя президентом), после чего в стране начались столкновения между мусульманами и христианами, результатом которых стали многочисленные жертвы. В декабре 2013 г. в конфликт также вмешалась Франция, направившая в ЦАР свой воинский контингент (как и в Мали, французские компании разрабатывают здесь месторождения золота, алмазов и урана).

Таким образом, цели по продвижению демократии в Ливии, заявленные инициаторами применения здесь «жесткой» силы, оказались далеки от реализации, если вообще достижимы. Результатом применения «жесткой» силы и свержения режима Каддафи стал фактический распад государственности Ливии, усиление здесь исламистских сил, в том числе радикальных и антизападных, с которыми прежде режим Каддафи достаточно успешно боролся, и экспансия в соседние страны радикального исламизма, против которого снова необходимо применять «жесткую» силу.

Очередной страной арабского мира, где страны ЕС и США пытались применить комбинацию «мягкой» и «жесткой» силы, стала Сирия. Протестные акции в Сирии с требованиями улучшения условий жизни и социально-экономических реформ начались в марте 2011 г. При этом наиболее радикальные манифестации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и призывами к свержению правящего режима, происходили в тех городах, где изначально были представлены оппозиционные силы, прежде всего исламистские (в таких городах, как Хама, Хомс, Джиср аш-Шухур), которым активно оказывалась помощь из-за рубежа. Сценарий был аналогичен ливийскому – формирование оппозиционных молодежных групп с предварительной раздачей им наличных денег и наркотиков и направление их активности на погром государственных учреждений, полицейских участков, расправу с представителями власти. Меры властей, ориентированные на жесткое пресечение бесчинств, определялись в западных СМИ как «жестокое подавление мирных демонстраций». В Сирии, так же как в Ливии, не имел место социально-экономический кризис, ставший основной внутренней причиной протестных выступлений «арабской весны» в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен. В отличие от этих стран, в Сирии, как и в Ливии, не было причин для массовых антиправительственных выступлений. В Сирии основным фактором продолжающегося конфликта является активная внешняя поддержка оппозиционных группировок, в том числе вооруженных. Как элемент «мягкой» силы против Сирии, как и против Ливии, была развернута масштабная информационная война, в которой участвуют более ста международных информационных агентств, наиболее активными из которых являются «Аль-Джазира», «Аль-Арабия», Евроньюс, CNN⁶. В соответствии с решением ЛАГ, инициированным монархиями Персидского залива, блокируются правительственные сирийские телеканалы, их невозможно смотреть в соседних странах. Об

⁵ *Джихад (араб.) – усилие, отдача всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама. С IX–X вв. сформировался догмат о четырех типах джихада: джихад меча (священная война), джихад сердца, джихад языка, джихад руки.*

⁶ *Во время пребывания в Сирии в августе 2011 г. после посещения в составе международной делегации г. Хам автор этих строк смотрел по телеканалу CNN репортаж об этом визите, где утверждалось, что на делегацию совершено нападение, в результате которого двое членов делегации были ранены, что являлось откровенной ложью.*

информационной войне против Сирии говорят многие независимые иностранные журналисты, работающие в этой стране, например Тьерри Мейсан, известный французский журналист и создатель независимого интернет-сайта «Сеть Вольтер» (Réseau Voltaire) (9). По его данным, катарский канал «Аль-Джазира», например, чтобы передать репортаж о массовых антиправительственных демонстрациях в Сирии, создавал монтаж с несколькими десятками статистов и декорацией сирийской улицы позади них, нечто вроде «голливудской деревни». Необходимо отдать должное группе журналистов российского телеканала «Россия-24» во главе с А. Поповой, которые после месячного пребывания в Сирии создали документальный фильм «Сирийский дневник», объективно освещающий ситуацию в стране и показанный по российскому телевидению в декабре 2012 г.

При поддержке ведущих стран НАТО была сформирована так называемая зарубежная сирийская оппозиция. С лета 2011 г. по ноябрь 2012 г. признанным Западом «законным представителем» оппозиционных группировок считался Сирийский национальный совет (СНС), базировавшийся в Стамбуле и возглавлявшийся Бурганом Гальюном, сирийцем, эмигрировавшим около 20 лет назад во Францию. Затем его сменил на этом посту один из членов руководства СНС, Абдель Басет Сид (проживавший в Турции этнический курд), призывавший к иностранной интервенции в Сирию в качестве наилучшей помощи «повстанцам». Затем ряд группировок сирийской оппозиции при активной поддержке дипломатии ЕС, США и монархий Персидского залива на своей встрече в г. Доха (Катар) в ноябре 2012 г. объединилась в т.н. «Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил» (НКОРС), которую в настоящее время возглавляет Ахмед Джарба. США и ЕС поспешили признать НКОРС «единственным законным представителем сирийского народа», несмотря на то что ее не признали даже часть оппозиционных сирийских группировок и ряд арабских стран. Наиболее влиятельными в НКОРС являются суннитские организации, в том числе их радикальные течения. Затем США и ЕС попытались провести в СБ ООН резолюцию по осуждению «режима Асада» и созданию бесполетной зоны над Сирией, т.е. реализовать «ливийский сценарий». Однако трижды наложенное Россией и Китаем вето на проект данной резолюции в СБ ООН спасло Сирию от бомбардировок НАТО и заблокировало применение против нее «жесткой» силы. Тем не менее давление на руководство Асада, которого США и ЕС считали союзником Ирана и противостоящего Израилю движения Хизбалла, продолжалось путем массовой поддержки вооруженных антиасадовских группировок, многие из которых представляли собой исламистские и аффилированные с «Аль-Каидой» формирования⁷. В то же время большая часть сирийцев (по разным данным от 60 до 70%) поддерживала руководство Асада⁸ в его борьбе с вооруженной исламистской оппозицией, провозглашавшей своей целью создание в Сирии «исламского государства». Наряду с этим сирийская армия сумела провести ряд успешных операций, в результате которых были уничтожены сотни боевиков и освобождены ранее контролировавшиеся ими районы. Попытка применить «жесткую» силу против Сирии под предлогом якобы «использования сирийской армией химического оружия против мирных жителей» летом 2013 г. оказалась безуспешной. В первую очередь – ввиду явно сфальсифицированного характера «доказательств» этого предлога и протестов против готовившегося США, Англией и Францией военного удара, высказывавшихся во многих странах мира, в том числе в Конгрессе США и Парламенте Англии. Важную роль сыграла также принципиальная позиция руковод-

⁷ В Турции на американской военной базе Инджирлик сотрудники спецслужб НАТО занимались подготовкой и вооружением наемников-исламистов, прибывавших из различных мусульманских стран и мусульманской диаспоры Европы, затем наемники переправлялись через сирийско-турецкую границу в Сирию. В 2013 г., по сообщениям сирийских властей, в Сирии действовало более тысячи вооруженных антиправительственных группировок, в рядах которых находились десятки тысяч иностранных наемников из 80 различных стран.

⁸ Автор этих строк во время пребывания в Сирии в 2011 и 2012 гг. мог видеть в Дамаске и Хаме многочисленные митинги в поддержку руководства Башара Асада, в которых участвовали десятки тысяч человек.

ства РФ, выступавшего против военного вмешательства в Сирию и инициировавшего уничтожение запасов сирийского химического оружия. Неспособность сирийской внешней оппозиции к объединению, поражения ее вооруженных группировок и начавшиеся столкновения между ними, а также аффилированность с «Аль-Каидой» наиболее известных из них, таких как «Фронт Нусра» и «Исламское государство Ирака и Леванта», заставили ЕС и США несколько изменить свою позицию по безусловной поддержке сирийской оппозиции, отказаться на данный момент от применения «жесткой» силы в Сирии и согласиться на проведение конференции Женева-2 по политическому урегулированию сирийского кризиса.

Применение ЕС и США «мягкой» силы в ходе революций «арабской весны» в Тунисе и Египте в 2011 г. носило эпизодический и противоречивый характер, так как произошедшее в результате этих революций свержение правящих режимов, являвшихся верными союзниками Запада, застало врасплох руководителей западных стран, которые не сумели сразу сориентироваться в быстро менявшейся ситуации. В этой связи необходимо отметить, что довольно распространенное, в том числе среди российских экспертов, мнение, что крах режимов Бен Али в Тунисе и Мубарака в Египте явился результатом применения «мягкой» силы и был инспирирован США, является во многом ошибочным и не соответствует действительности. Главными причинами падения режимов в Тунисе и Египте были внутренние факторы, а именно – массовый социальный протест, обусловленный социально-экономическим кризисом, коррупцией и nepотизмом правящей верхушки, отсутствием реальных демократических свобод. Важную роль сыграла также позиция военных: как в Египте, так и в Тунисе армия не поддержала правящие режимы, против которых выступала значительная часть населения.

В то же время для Запада не было никаких причин добиваться смены этих режимов. Так, Египет со времен заключения Кемп-Дэвидского мирного договора с Израилем (1979) оставался верным союзником США, проводником американских интересов на Ближнем Востоке и одновременно гарантом безопасности Израиля. Для ЕС, и прежде всего для Франции, Египет был ключевым партнером на Ближнем Востоке. Президент Саркози отводил Египту одну из главных ролей в развитии своего проекта «Средиземноморский союз» и способствовал избранию президента Мубарака в состав его руководства. Тем не менее очевидно, что обострение социально-экономических проблем в Египте и Тунисе и недовольство значительных слоев населения многолетним правлением коррумпированных кланов Мубарака и Бен Али не были секретом для руководства США и ЕС. Поэтому после начала массовых протестных манифестаций в Египте американские и европейские лидеры оказались в замешательстве. Барак Обама в начале выступлений протеста не призывал к отставке Мубарака, однако в ходе расширения протестного движения требование этой отставки стало официальной позицией Вашингтона. Вместе с тем мнения в американской администрации разделились. Если Б. Обама и Х. Клинтон призывали Мубарака «выполнить волю народа» и уйти от власти, то вице-президент Дик Чейни (долгое время поддерживавший личные контакты с Мубараком и его сыном Гамалем) и спецпредставитель правительства США в Египте Ф.Дж. Виснер заявляли о необходимости относиться к Мубараку как к «хорошему другу». Впоследствии эти заявления были дезавуированы официальным Вашингтоном как «личные мнения» (6).

Аналогичная ситуация имела место с Тунисом. Так, министр иностранных дел Франции Мишель Аллио-Мари и министр внутренних дел Брис Ортефё неоднократно совершали частные поездки в Тунис. Глава французского МИДа пользовалась личным самолетом одного из близких к Бен Али бизнесменов, Азиза Миледа, с которым родители М. Аллио-Мари вели совместный бизнес. Когда начались манифестации против режима Бен Али, глава французского МИДа выступила даже с предложением послать в Тунис французские полицейские силы для восстановления порядка (5), но последствием такой «инициативы» М. Аллио-Мари стало заявление Социалистической партии Франции с требованием ее немедленной отставки. Пре-

зидент Саркози, пытавшийся сгладить оплошность главы своего МИДа, в конце концов принял ее отставку.

В результате крушения режимов Бен Али в Тунисе и Мубарака в Египте французскому руководству пришлось отказаться от реализации модели «Средиземноморского союза», в которой эти страны играли ключевую роль. В конце концов западные лидеры «сдали» своих бывших друзей и союзников ввиду их явного политического краха и выступления против них большей части населения. Ставка была сделана на новые режимы, которые возглавили исламистские движения – «Нахда» в Тунисе и «Братья-мусульмане» в Египте. В конфликте в Сирии эти движения поддерживали суннитские антиасадовские группировки и тем самым стали союзниками США и ЕС. Новый президент Египта, представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси, неоднократно говорил о «нелегитимности правительства Асада», и сотни египетских исламистов, так же как и тунисских, отправлялись в Сирию, чтобы вести «джихад» (священную войну) против сирийского руководства.

Однако и «Братья» в Египте, и «Нахда» в Тунисе показали свою полную несостоятельность в урегулировании внутреннего социально-экономического кризиса, против которого и был направлен социальный протест египетской и тунисской революций. Более того, этот кризис обострялся. В ходе предпринятой «Братями» и «Нахдой» исламизации общественно-политической жизни на политическую авансцену стали выходить более радикальные исламистские движения – салафиты⁹ и такфиристы¹⁰, провоцировавшие столкновения с представителями других конфессий и партиями, провозглашавшими светские ценности. В результате значительная часть населения выступила против монополизировавших власть исламистов. В Египте армия при поддержке всех партий либерально-демократической и левой направленности, а также Конституционного суда, муфтия Египта и коптского патриарха в июле 2013 г. отстранила от власти ставленника «Братьев-мусульман» президента Мурси. Временно исполняющим обязанностей президента Египта до новых парламентских и президентских выборов был назначен председатель Конституционного суда Адли Мансур. «Братья-мусульмане», пытавшиеся оказать сопротивление новым властям, организуя марши своих сторонников, террористические акты и используя вооруженных боевиков, в том числе находившихся в Египте членов сирийских исламистских группировок, в декабре 2013 г. были объявлены террористической организацией и запрещены. Их руководители, включая бывшего президента Мурси, были преданы суду. Руководство сирийской внешней оппозиции НКОРС, штаб-квартира которой находилась в Каире, было выдворено из Египта, а боевикам, воевавшим на ее стороне, запрещен въезд в Египет.

В Тунисе весной 2013 г. после убийства двух членов руководства левodemократического движения, осуществленного членами радикальной салафитской группировки «Ансар аш-шариа» (Воины шариата), прошли массовые манифестации с требованиями отставки исламистского правительства. Определенным компромиссом явилась отставка в декабре 2013 г. премьер-министра, члена руководства «Нахды», и назначение в качестве и.о. премьер-министра Махди Джамаа, государственного деятеля, не представляющего какую-либо политическую партию. Была достигнута договоренность о проведении следующих парламентских выборов в 2014 г. после выработки новой Конституции Туниса.

Все это время США и ЕС продолжали поддерживать исламистские движения, квалифицируя их как способные развивать демократию силы, пришедшие на смену авторитарным режимам. Французский президент Франсуа Олланд во время своего визита в Тунис летом 2013 г. заявлял о своей поддержке правительства, возглавляемого «Нахдой», подтверждая, что

⁹ Салафиты (от араб. салаф – праведный предок) – сторонники возвращения к «чистоте первоначального подлинного ислама и исламской социальной справедливости» времен Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов».

¹⁰ Такфиристы (от араб. такфир – обвинение в неверии) – радикальные исламские фундаменталисты, объявляющие «неверными» всех, в том числе мусульман, не соблюдающих со всей скрупулезностью предписаний мусульманской религии.

«ислам вполне сочетается с демократией» (7). США и ЕС выступили с осуждением отстранения президента Мурси от власти в Египте, расценивая это как «военный переворот». Представители Сената США во главе с сенатором Дж. Маккейном и глава дипломатии ЕС Кэтрин Эштон в ходе визитов в Египет имели встречи с Мурси и неоднократно заявляли о необходимости возвращения законно избранного президента. Актом дальнейшего давления на новые египетские власти стало «замораживание» со стороны США финансовой помощи и поставок вооружений Египту. В результате отношения США и ЕС с Египтом в определенной степени ухудшились. Одновременно Египет, в котором после отстранения Мурси от власти значительное влияние набирают политические силы, исповедующие насеристскую идеологию, проводит курс, направленный на большее сближение с Россией как по линии военно-экономического, так и политического сотрудничества.

Европейское вмешательство во внутренние конфликты в арабских странах не способствовало их разрешению и продвижению демократии, несмотря на использование ЕС всех механизмов «мягкой» и «жесткой» силы. В Ливии и особенно в Сирии страны ЕС и США, катализируя внутренние противоречия и стремясь любой ценой устранить неугодные режимы, фактически поддерживали наиболее радикальные исламистские движения, аффилированные с «Аль-Каидой». Такое положение выглядит достаточно абсурдным, если учесть, что США и ЕС в это же время вели борьбу с радикальным исламизмом в Афганистане, Йемене и Центральной Африке (Мали, ЦАР). Для стран ЕС такая ситуация в значительной степени оказалась результатом их следования в русле политического курса США и Израиля, стремившихся устранить режим Асада в Сирии, как союзника противостоящих Израилю Ирана и Хизбаллы, и ликвидировать усилившееся влияние Ирана в Ираке. Между тем экономические и политические интересы ЕС и США на Ближнем и Среднем Востоке не всегда совпадают.

В то же время в самих европейских странах наблюдается усиление исламского фактора, что в немалой степени стало результатом краха политики мультикультурализма, как подтверждают руководители Англии, Франции и Германии. Мультикультурализм, т.е. сосуществование мусульманской и европейской культур и их взаимное обогащение, не состоялся в Европе. Значительная часть европейской мусульманской диаспоры продолжает исповедовать ислам. Причем растет число последователей радикальных его течений, которые выезжают вести джихад в горячих точках. В свою очередь, исламский фактор оказывает влияние на европейскую внешнюю политику, так как часть европейцев-мусульман поддерживает «исламское возрождение» в арабских странах.

Наиболее многочисленны мусульманские общины во Франции и Англии, где они располагают десятками своих профессиональных, гуманитарных, просветительских, политических и религиозных организаций. Наибольшее число мусульман проживает во Франции (5–7 млн из 65 млн населения Франции на 2008 г.), из которых свыше 80% являются выходцами из стран Северной Африки. На ситуацию во французской мусульманской диаспоре активно воздействуют внешние исламистские движения. Так, инициаторами создания во Франции в 1980-е годы одной из наиболее влиятельных мусульманских общественно-политических структур Союза исламских организаций Франции (L'Union des organisations islamiques de France – UOIF) были последователи тунисской «Нахды» и египетских «Братьев-мусульман» (3, с. 31). В 2012 г. председателем UOIF был избран шейх Ахмед Джабалла, известный мусульманский идеолог и проповедник, тунисец по происхождению, а также приверженец доктринальных концепций «Нахды» и «Братьев-мусульман». Ахмед Джабалла является одновременно директором Европейского института гуманитарных исследований (L'Institut européen des sciences humaines – IESH), открытого в 2001 г. в Сен-Дени, пригороде Парижа. IESH имеет теологическое отделение, где готовят будущих имамов. В его научный совет входят такие известные суннитские идеологи, как Юсуф аль-Карадауи (8, с. 37), постоянно проживающий в Саудовской Аравии. Карадауи является непримиримым противником руководства Сирии во главе с Асадом,

большая часть которого представлена алавитами¹¹, и в своих фетвах неоднократно призывал к джихаду против него. UOIF имеет крупные отделения в таких городах, как Бордо, Реймс, Нанси. Ежегодно UOIF и группы «Братьев-мусульман» организуют на стадионе в Ле-Бурже, пригороде Парижа, грандиозные съезды-конференции, длящиеся четыре дня и собирающие тысячи участников. На них выступают известные европейские мусульманские деятели, такие как Тарик Рамадан и идеолог UOIF Тарек Убру, заявляющие о «формировании европейской исламской культуры и совместимости исламской практики с республиканскими и светскими ценностями» (12, с. 67). «Братья-мусульмане» во Франции достаточно успешно сотрудничают с турецкой исламистской организацией «Милли Гёрюш» (Национальное видение), при участии которой в 1985 г. была создана Национальная федерация мусульман Франции (La Fédération nationale des musulmans de France – FNMF). FNMF контролирует сотни мест мусульманского культа, особенно в окрестностях Лиона, также около Страсбурга, где в ее распоряжении находится одна из крупнейших мечетей, вмещающая до 3 тыс. прихожан.

На французскую внешнюю политику оказывают влияние также отношения Франции со странами исламского мира, в частности с Катаром, который в 2000-е годы, в период правления эмира Хамада бен Халифа ат-Тани, стал одним из наиболее привилегированных партнеров Франции как в экономике, так и в политике. Катарские инвестиции на десятки миллиардов евро вкладывались в наиболее инновационные направления французской индустрии, такие как авиация, аэронавтика, современные вооружения, а также в недвижимость (дворцы XVII в., наиболее престижные магазины в центре Парижа на Елисейских полях и на ул. Риволи), гостиничную отрасль (дорогие отели в Париже и на Лазурном берегу), игровой бизнес (27% казино в г. Канны на Лазурном берегу), массмедиа (радио «Европа-1», журнал «Пари матч», канал «Аль-Джазира» на французском языке) и даже в спорт (покупка в 2011 г. футбольного клуба «Paris Saint-Germain» – PSG). Французские министры, известные государственные и политические деятели, журналисты, бизнесмены регулярно приглашались в Катар на различные симпозиумы, где заключались сделки, налаживались деловые и личные связи. Новым направлением инвестиций Катара стала французская социальная сфера, а именно развитие пригородов больших городов (banlieue), где проживает основная часть арабо-мусульманской диаспоры. В 2011 г., во время визита в Катар представителей муниципалитетов французских пригородов, эмир Катара обещал им финансовую помощь на развитие инфраструктуры, а также на поддержку мест мусульманского культа. В то же время часть французского политического истеблишмента, прежде всего партия Национальный фронт, возглавляемая Марин Ле Пен, называет такую ситуацию «катаризацией» Франции и считает, что финансово-экономическая поддержка Катаром французских пригородов на самом деле имеет своей целью продвинуть мусульманский фундаментализм в сердце Франции. Тем не менее партнерская политика между Францией и Катаром продолжается и при новых руководителях – президенте Франсуа Олланде и эмире Тамиме, тем более что последний проходил в течение года курс обучения в Сорбонне.

Усиление влияния обладающих значительными финансовыми возможностями монархий Персидского залива, прежде всего Катара и Саудовской Аравии, во Франции, одном из наиболее влиятельных членов ЕС, имеет наряду с финансово-экономической также и политическую составляющую, а именно – возможность стимулировать антисирийский и антииранский аспекты французской внешней политики в своих интересах в конфликте в Сирии, являющемся частью суннитско-шиитского противостояния, в котором суннитские монархии Персидского залива противостоят шиитскому Ирану, союзником которого является Сирия. Теологические суннитско-шиитские противоречия существуют уже много столетий. Но наряду с этим со времен иранской исламской революции 1979 г. Саудовская Аравия и Катар видят в Иране угрозу,

¹¹ Алавиты – течение в исламе, близкое к шиизму.

так как одной из целей иранской революции был ее «экспорт» в монархии Персидского залива, где проживает значительная шиитская диаспора.

Цели по «продвижению демократии» и «урегулированию конфликтов», провозглашенные ведущими странами ЕС при использовании «мягкой» и «жесткой» силы на Арабском Востоке, не были достигнуты. Более того, их использование привело к коллапсу государственности в Ливии и возникновению очага радикального исламизма в Сирии. Такой результат стал следствием, во-первых, необоснованной уверенности Запада в возможности быстрого создания демократических режимов в арабо-мусульманском мире, во-вторых, стремления ЕС использовать конфликтные ситуации в арабских странах для достижения своих целей и, в-третьих, того, что вмешательство ЕС происходило также в интересах других внешних акторов в силу союзнической солидарности или финансово-экономической заинтересованности. Использование «мягкой» и «жесткой» силы фактически вылилось в поддержку исламистских движений, которые наряду с другими политическими силами участвовали в протестных выступлениях против авторитарных режимов. Тем не менее в последнее время наблюдается некоторое изменение позиции как ЕС, так и США в отношении двух главных проблем на Ближнем и Среднем Востоке, которые приобрели характер глобальных, – сирийского кризиса и ядерной программы Ирана. В частности, согласие на проведение конференции Женева-2 обусловлено тем, что поддержка Западом сирийской вооруженной оппозиции, основную часть которой составляют джихадистские группировки, связанные с «Аль-Каидой», привела к тому, что подъем радикального исламизма и его распространение в регионе начинают представлять угрозу самим странам Запада. В свою очередь, договоренность по иранской ядерной программе, достигнутая Международной группой 5+1 и Ираном в конце 2013 г., хотя и является промежуточной, тем не менее открывает возможности налаживания отношений Ирана с ЕС, члены которого несут достаточные экономические потери от участия в антииранских санкциях. Отмена этих санкций может способствовать также смягчению последствий продолжающегося финансово-экономического кризиса в ЕС. Что касается перспектив использования Европой «мягкой» и «жесткой» силы, то, как показали события конца 2013 г. на Украине, очевидно, что оно будет продолжаться во всех регионах, где развитие политических процессов затронет интересы Запада.

Список литературы

1. Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 464 с.
2. Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 432 с.
3. Amghar S. L'islam militant en Europe. – P.: Infolio, 2013. – 167 p.
4. Arfi F., Laske K. Secret report describes Gaddafi funding of Sarkozy's 2007 election campaign // Mediapart. – 2012. – 12 March. – Mode of access: <http://www.mediapart.fr/en/journal/international/120312/exclusive-secret-report-describes-gaddafi-funding-sarkozys-2007-electio?onglet=full> (Дата обращения – 29.01.2014).
5. Boltanski C. Les aventures de MAM la Tunisienne // Le Nouvel observateur. – P., 2011. – 10–16 février, N 2414. – P. 64–67.
6. Fahim K., Landler M., Shadid A. West backs gradual Egyptian transition // The New York Times. – 2011. – 5 February. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2011/02/06/world/middleeast/06egypt.html?hp> (Дата обращения – 29.01.2014).
7. France's Hollande praises Tunisia as 'model' for region // BBC News. – 2013. – 5 July. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-23204230> (Дата обращения – 29.01.2014).

8. Kepel G. Quatre-vingt-treize. – P.: Gallimard, 2012. – 336 p.
9. Meyssan T. La Syrie a changé // Réseau Voltaire. – 2013. – 4 novembre. – Mode of access: <http://www.voltairenet.org/article180790.html> (Дата обращения – 29.01.2014).
10. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
11. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 208 p.
12. Ramadan T. Face à nos peurs: Le choix de la confiance. – P.: Tawhid, 2008. – 144 p.
13. Saif al-Gaddafi 'wants money back from Sarkozy': Exclusive interview // Euronews. – 2011. – 16 March. – Mode of access: <http://euronews.com/2011/03/16/exclusive-saif-al-gaddafi-wants-money-back-from-sarkozy/> (Дата обращения – 29.01.2014).

«Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане

О.Н. Новикова

Аннотация. В статье выявляются противоречия в применении западными странами «жесткой» и «мягкой» силы в Афганистане в настоящее время. Дана характеристика «мягкой» силы международной коалиции и оценена ее эффективность. Автор статьи утверждает, что ни «жесткая», ни «мягкая» сила западных государств не в состоянии определить будущее Исламской Республики Афганистан.

Abstract. The article focuses on the contradictions in the claimed successes of «hard» and «soft» power, used by the western countries in Afghanistan nowadays. The paper shows what exactly is «soft» power of the international coalition and how useful is it in dealing with long-term challenges. The author develops a point that the use of both «hard» or «soft» power of the West would not help it to determine the destiny of Afghanistan.

Ключевые слова: Афганистан, МССБ, НАТО, «жесткая» и «мягкая» сила, вывод войск из Афганистана, иностранная помощь, распространение демократии.

Keywords: Afghanistan, ISAF, NATO, «hard» and «soft» power, pullout from Afghanistan, foreign assistance to Afghanistan, democracy promotion.

В Афганистане заканчивается процесс свертывания иностранного военного присутствия и передачи ответственности за безопасность афганским властям, что, кроме всего прочего, имеет целью создание условий для безболезненного вывода основного контингента коалиционных сил. Кажется бы, заканчивается период применения международной коалицией «жесткой» силы в Афганистане. При этом надо заметить, что афганское руководство, большая часть легальной политической оппозиции и в целом гражданское общество заинтересованы в сохранении присутствия иностранных войск на территории страны. Кабул стремится гарантировать себе долгосрочное сотрудничество с международным сообществом на двусторонней и многосторонней основе на период после 2014 г. как в области безопасности, так и в гражданской сфере. Очевидно, что эти международные гарантии будут предоставлены афганскому правительству. И это будет сделано в преддверии возможной гражданской войны, которая может начаться после вывода основной части коалиционных сил. В условиях мирового экономического кризиса в настоящее время на обучение и вооружение афганских национальных сил безопасности (АНСБ) выплачиваются средства в объеме более 6 млрд долл. в год. Однако начиная с 2014 г. эта сумма сократится до 4,1 млрд долл. В НАТО опасаются, что полный отказ от финансирования может привести к ситуации, аналогичной той, которая сложилась после решения СССР в 1991 г. прекратить поставки вооружений и финансовую помощь режиму Наджибуллы. Представляется, что поставки вооружений и подготовку афганской армии и полиции можно отнести к парадигме «жесткой» силы Запада. И особый интерес представляет выявление соотношения применения международным сообществом «жесткой» и «мягкой» силы в современном Афганистане.

Новая модификация «жесткой» силы Запада в Афганистане

Подписание в 2010 г. на Лиссабонском саммите НАТО Декларации о прочном партнерстве (1) между афганским правительством и государствами – членами Альянса свидетельствовало о его намерении сохранить свое присутствие в ИРА в политическом и военном отношении на продолжительное время, что подразумевает поддержку и обучение АНСБ после 2014 г. Осо-

бое внимание НАТО уделяет проведению реформы в армии и правоохранных структурах (в Министерстве обороны, Министерстве внутренних дел, Совете национальной безопасности и в Главном управлении национальной безопасности). Однако вряд ли в обозримом будущем удастся преодолеть такие застарелые пороки, как торговля высшими постами в органах безопасности, «крышевание» нелегального бизнеса, в том числе наркопроизводства, и участие в нем представителей органов власти, нарушения в содержании заключенных.

Процесс передачи ответственности в сфере безопасности был согласован на Лондонской и Кабульской конференциях, а на саммите НАТО в Лиссабоне было запланировано его завершение до вывода основного контингента иностранных войск. Хотя важность проблем управления страной и их взаимосвязь с вопросами безопасности были признаны международной коалицией, на деле МССБ в контексте передачи ответственности занимались в основном подавлением вооруженной оппозиции и строительством афганских вооруженных сил. Начиная с 2002 г. Конгресс США выделил на восстановление Афганистана 93 млрд долл. – самую большую сумму, выделенную когда-нибудь на восстановление одной страны (12). Однако более половины этих средств (54 млрд долл.) были потрачены на строительство армии и полиции Афганистана. Афганское правительство и международное сообщество пришли к единому мнению, что афганские силы безопасности должны к 2014 г. насчитывать 352 тыс. солдат, и эта численность должна быть сохранена в течение нескольких лет. По оценке Всемирного банка, на эти цели должно выделяться 5 млрд долл. в год (цит. по: 12, с. 4). Высокий уровень неграмотности военнослужащих отрицательно сказывается на эффективности афганских вооруженных сил. Специальный генеральный инспектор по восстановлению Афганистана заявил, что три финансируемых американцами контракта по ликвидации неграмотности обошлись в 200 млн долл. (там же, с. 6). После 2014 г. предусматривается учреждение двух структур: учебно-тренировочной миссии НАТО ориентировочной численностью в 8–12 тыс. человек (большую часть составят американские инструкторы) и отдельной контртеррористической миссии США с мандатом борьбы с «Аль-Каидой» и другими террористическими группировками, а также охраны американских дипломатических и иных представительств в ИРА (данные на апрель 2013 г.).

Возникает вопрос, сможет ли модифицированная «жесткая» сила Запада предотвратить приход талибов к власти в ИРА? По мнению западных союзников, уровень управления и развития Афганистана достаточен для обеспечения передачи ответственности в сфере безопасности. Однако уже сейчас существует угроза, что процессы передачи ответственности и политического примирения приведут к росту внутривнутриполитической напряженности, этническому разлому Афганистана и взаимной борьбе группировок. Ученые из научно-исследовательского центра «Сеть аналитиков в Афганистане» (Afghanistan Analysts Network) уверены, что реформа сектора безопасности страны, осуществление которой началось в 2001 г. в соответствии с Боннскими соглашениями, потерпела крах (8, с. 4). Не удалось распустить незаконные вооруженные формирования. По-прежнему существует дисбаланс в этническом составе вооруженных сил Афганистана, особенно среди офицерского корпуса. Низкий уровень представительства пуштунов, прежде всего из южных провинций, свидетельствует об испытываемом ими страхе перед местью талибов, что требует усиления мер безопасности в пуштунских провинциях. Западные союзники преследуют краткосрочные цели обеспечения безопасности, что продиктовано необходимостью быстрого реагирования на атаки повстанцев в провинциях. При этом, исходя из внутривнутриполитических соображений, западные страны продолжают заявлять об улучшении военно-политической обстановки в Афганистане.

В целом правящая верхушка страны стремится сохранить американское военное присутствие и после 2014 г., что было подтверждено во время заседания Лойя джирги в ноябре 2011 г. Американские войска будут временно размещены на афганских военных базах. Заметим, что в странах Западной Европы, в Японии и Южной Корее американские базы временного харак-

тера используются десятилетиями. После 2014 г. американские военные планируют сосредоточиться на борьбе с терроризмом и специальных операциях, фактически свернув работу по восстановлению экономики, что, несомненно, будет использовано талибами для усиления пропаганды, представляющей американцев как оккупантов, и негативно скажется на запуске процесса примирения. Военные базы США дадут повод для критики противникам афганского режима и вызовут настороженность у ряда региональных держав. Правда, Китай, ранее однозначно выступавший против американского военного присутствия в Афганистане после 2014 г., в настоящее время изменил свою позицию, полагая, что коалиционные силы слишком рано покидают ИРА, не подготовив в должной мере афганскую армию и полицию. Индия также не протестует против американских баз, более всего опасаясь прихода к власти в Афганистане талибов, которые находятся под влиянием Пакистана.

В идеале политическое урегулирование должно было быть достигнуто до вывода войск коалиции в 2014 г. Речь могла бы идти не только о договоренности между правительством Х. Карзая и Движением талибов (ДТ) – в урегулировании должны быть задействованы и другие политические силы, включая легальную оппозицию и организации гражданского общества. Мирное урегулирование не является синонимом более широкого понятия «примирения», процесса, подразумевающего преодоление линий конфликтного противостояния, существующих десятилетиями. Но политическое урегулирование должно было проложить дорогу к «примирению». При этом среди членов международной коалиции существует убеждение, что долговременное иностранное присутствие увеличивает шансы мирного урегулирования. Это утверждение представляется нам сомнительным. Американский подход «сражайся, веди переговоры и строй» (fight, talk, build) с опорой на «жесткую» силу оказался контрпродуктивным. Несмотря на ликвидацию значительного количества полевых командиров и потери среди вооруженной оппозиции, эта стратегия, основанная на военных методах разрешения конфликтов, не сработала. Талибы прямым или косвенным путем по-прежнему контролируют значительную часть территории.

«Мягкая» сила в период ведения боевых действий

Надо признать, что пребывание международных сил в Афганистане и ведение боевых действий, т.е. использование «жесткой» силы, сопровождалось определенными усилиями и по применению «мягкой» силы, в результате чего были достигнуты некоторые успехи в экономике: наблюдался экономический рост, после гиперинфляции 1990-х годов установился относительно низкий уровень инфляции, удалось добиться лучшего управления государственными финансами, есть успехи в сфере медицинского обслуживания и образования. Продолжительность жизни гражданского населения увеличилась, женщины стали вовлекаться в экономическую жизнь страны. Было создано Министерство по делам женщин. Из школьников 40% составляют девочки. 27,7% членов парламента – женщины (14, с. 8). Это больше, чем в среднем в парламентах мира, избираемых прямым голосованием (21,7%). По данным Министерства финансов ИРА, из 13 млрд долл., которые были выделены донорами в 2011 г., 500 млн истрчено на нужды здравоохранения, 256 млн долл. – на образование и 367 млн долл. – на другие нужды, включая решение гендерных проблем. Но хотелось бы напомнить, что в результате реформ, производимых в Афганистане в период российского присутствия, до прихода к власти ДТ, 70% учителей, половина всех служащих и 40% врачей были женщины (14, с. 2).

Однако в других областях, например в сфере борьбы с производством наркотиков, усилия западных стран не увенчались успехом. На долю Афганистана по-прежнему приходится около 90% мирового производства опиума. Не удалось достигнуть больших результатов и в области управления и институционального строительства. Процесс вложения денег в экономику и государственное строительство сопровождался коррупцией и низкой эффективностью

освоения средств. Афганистан так и остался одной из беднейших стран мира. Более трети населения живет за чертой бедности, более половины рискуют пересечь эту черту, три четверти безграмотно.

Однако потоки финансовых средств, поступавших в Афганистан, направлялись в основном на цели обеспечения безопасности. В докладе афганского Министерства финансов 2012 г. утверждается, что даже сейчас, при свертывании международного присутствия, военные расходы превышают 50% всей суммы предоставляемой Афганистану помощи (4, с. 25). На гуманитарные нужды тратилось 6 млрд долл. в год, и такая зависимость от внешнего финансирования является уникальной. Большая часть средств доноров проходила, минуя государственный бюджет. Несмотря на значительный объем денежных вливаний, основная часть средств международного сообщества, выделенных «на» Афганистан, расходуется не «в» Афганистане. Эти средства покидают страну посредством импорта, прибыли подрядчиков, перевода денег за границу.

Как указывается в тексте основного доклада Всемирного банка, помощь поступает по трем главным каналам.

Первый канал. В 2010 г. правительство получило 1,9 млрд долл. на поддержание бюджета. Из них 780 млн долл. пошло на жалование солдатам и офицерам Афганской национальной армии и Афганской национальной полиции. Остальные средства направлялись на проекты развития и текущие расходы.

Второй канал. Доноры финансируют проекты развития, вкладывая средства через бюджет (5,2 млрд долл. в 2010 г.). Финансирование осуществляется такими гражданскими организациями, как Агентство США по международному развитию (USAID), Министерство международного развития Великобритании (DFID), Европейская комиссия.

Третий канал. Доноры предоставляют средства на нужды поддержания безопасности, которые идут, минуя бюджет, на финансирование операций и содержание МССБ через военные ведомства и подрядные организации, такие как Инженерный корпус армии США и Группы по восстановлению провинций (8,6 млрд долл. в 2010 г.) (3, с. 28).

В Докладе о мировом развитии 2011: Конфликты, безопасность и развитие говорится о необходимости внести изменения в процесс предоставления международной помощи. Это означает, что необходимы: *перенос центра тяжести* при оказании помощи на укрепление доверия, обеспечение безопасности граждан, справедливости и занятости; *изменение процедур* деятельности международных институтов с целью повышения оперативности их реакции; *принятие мер* на региональном уровне; *придание нового импульса* сотрудничеству стран с более низким, средним и более высоким уровнем дохода (2).

Грядущее сокращение средств, выделяемых на экономическое развитие, более всего отразится на общественных расходах. Прогнозируется падение темпов роста ВВП с 9% в год в период 2000–2010 гг. до 5–6% в 2011–2018 гг. И учитывая, что ежегодный прирост населения составляет 2,8%, ожидается весьма ограниченный рост дохода на душу населения. При лучшем развитии событий, если рост ВВП составит 6%, доход на душу населения увеличится вдвое только через 22 года. Напомним, что сейчас он составляет 528 долл. и является одним из самых низких в мире (3, с. 109). Если показатели состояния сельского хозяйства будут низкими, не будут сделаны инвестиции в добычу полезных ископаемых и иностранная помощь будет сокращаться, экономический рост составит 3% (3, с. 110) в год. В случае резкого ухудшения ситуации в сфере безопасности и государственного управления возможен экономический спад.

Кроме того, надо отметить, что для развития афганской экономики опасность представляет не только сокращение иностранной помощи, но и затяжные периоды засухи, оказывающие негативное влияние на сельскохозяйственное производство Афганистана, а также утрата

доверия со стороны бизнеса в результате ухудшающейся обстановки в сфере безопасности, коррупция и ненадлежащее управление.

Новые подходы в использовании «мягкой» силы

В последнее время в международном сообществе сформировалось понимание необходимости внесения изменений в план предоставления помощи ИРА.

В докладе Министерства обороны США Конгрессу за декабрь 2012 г. говорилось, что за период с 2002 г. около 50 государств, НАТО и шесть международных фондов в виде помощи передали правительству Афганистана более 2,3 млрд долл. Будущие ходатайства о финансировании будут касаться ликвидации неграмотности, поставки оборудования, восстановления инфраструктуры и финансирования армии и полиции. Как упоминалось выше, для АНСБ после 2014 г., по оценкам международного сообщества и правительства Афганистана, требуется 4,1 млрд долл. в год, из которых 500 тыс. долл. согласилось предоставлять афганское правительство с перспективой постепенного увеличения своей доли. Учитывая нынешние экономические и финансовые трудности Афганистана, международное сообщество обязалось доплачивать недостающие суммы в течение трех лет начиная с 2015 г. (10, с. 99).

До 2010 г. США оказывали помощь Афганистану путем заключения контрактов, соглашений, предоставления грантов в обход бюджета. Начиная с 2010 г. США и другие доноры достигли принципиальной договоренности об оказании прямой помощи¹². Однако иностранные доноры обусловили предоставление денег афганскому правительству требованиями побороть коррупцию, продемонстрировать прозрачность при распределении средств, разработать детальный план использования иностранной помощи. В июле 2012 г. на конференции в Токио международное сообщество обещало предоставить Афганистану до 2015 г. 16 млрд долл. Всемирный банк, например, полагает, что для осуществления проектов восстановления экономики, содержания афганских национальных сил безопасности и преодоления финансового разрыва между доходами от национальной экономики и поддержанием жизнедеятельности государства Афганистану ежегодно до конца 2025 г. потребуется 7 млрд долл. (3). Объемы денежных вливаний при условии, что они будут предоставляться в указанном размере, впечатляют, однако нужно учитывать и негативные стороны процесса оказания финансовой помощи. В работе А. Гюстози и Н. Ибрахими подвергнуты критике проекты по предоставлению помощи населению Афганистана, в том числе с точки зрения их неэффективности в деле разрешения или предотвращения конфликтов. Более того, программы помощи, по мнению авторов, могут послужить драйверами антиправительственного сопротивления (6, с. 40). Они дестабилизируют общество, поскольку распределяются несправедливым образом – в силу отсутствия достоверной информации о нуждах населения, манипулирования донорами со стороны местных властей и нарушений, допущенных самими донорами и структурами, непосредственно предоставляющими помощь. Кроме того, вооруженная оппозиция обкладывает проекты помощи и поставщиков налогом в размере 20–40%. Авторы приводят данные внутреннего доклада Агентства США по международному развитию от 2009 г., где подтверждены сведения о том, что подрядчики платят отступные повстанцам: таким образом, предположительно 5,2 млн долл. из денег, выделенных агентством, поступило талибам. Следует отметить, что на сегодняшний день ситуация в этом плане не изменилась.

Оценивая международную помощь в строительстве афганских государственных институтов, директор Шведского комитета по Афганистану и сотрудник независимой некоммерческой научно-исследовательской организации «Сеть аналитиков в Афганистане» А. Фэнге

¹² Прямая помощь – это помощь, проходящая через национальный бюджет принимающей стороны, предоставляемая либо международными трастовыми фондами, либо правительствами на основе двусторонних соглашений.

утверждает, что эта помощь не является в достаточной степени эффективной. Доноры придерживаются собственного мнения на мандаты, политику и приоритеты своей деятельности, независимо от того, вписываются ли они в местный контекст. В результате наблюдается дисбаланс в развитии регионов и провинций, созданы многочисленные министерства и государственные институты, где работают в основном неэффективные, но высокооплачиваемые международные советники и консультанты, ничего или почти ничего не знающие о стране, ее народе, культуре и истории. Это приводит к еще большему отрыву государства от его граждан, пренебрежению таким важнейшим сектором экономики, как сельское хозяйство, а также высшим образованием и развитием управления на местах. А. Фэнге подчеркивает, что в Афганистане была налажена такая система закупок, которая способствовала коррупции и плохому управлению в фондах помощи и развития (5, с. 3).

Демократизация Афганистана как проявление политики «мягкой» силы

Одним из главных направлений использования западными странами «мягкой» силы в Афганистане является демократизация этой страны. «Мягкая» сила подразумевает притягательность ценностей Запада, и прежде всего демократической системы, для местных жителей.

Некоторые европейские ученые, например Т. Руттих, работающий в Афганистане более десяти лет – в посольствах ГДР, затем ФРГ, в миссиях ООН и Евросоюза, а также в научно-исследовательском центре «Сеть аналитиков в Афганистане», – полагают, что после свержения талибского режима многие афганцы захотели сами определять политическое будущее своего государства, однако к нынешнему времени восприятие афганцами демократии отличается циничностью (11, с. 1). Как произошла эта эволюция? Необходимой предпосылкой создания в Афганистане плюралистического демократического общества западные аналитики считали выполнение всех положений Боннского соглашения. Однако они не были выполнены. Не была проведена также перепись населения. А во время голосований на выборах 2004, 2005, а особенно 2009 и 2010 гг., происходили многочисленные манипуляции и подтасовки. Программа «Разоружение, демобилизация и реинтеграция» не охватила руководящее звено боевиков, которых защищают их бывшие руководители, ставшие политиками.

Необходимо подчеркнуть, что, пытаясь построить демократию в Афганистане, западные страны сами внесли антидемократические положения в Боннские соглашения. Во-первых, к участию в боннском процессе были допущены только четыре стороны. Три из них – это национальная армия (самая влиятельная делегация) и две группы, поддерживаемые Ираном и Пакистаном. Четвертая делегация (Римская группа) состояла из сторонников бывшего короля Афганистана. При этом Движение талибов было исключено из процесса. Во-вторых, кандидатура председателя будущей Переходной администрации страны была утверждена за границей и одобрена делегацией национальной армии, которая уже контролировала Кабул и большую часть страны. На предварительном голосовании внутри второй по влиянию делегации – Римской группы – победу одержал кандидат – противник Х. Карзая. Под давлением США и ООН эта делегация была вынуждена провести повторное голосование. В-третьих, положение о том, что участники Боннских соглашений выведут все воинские части из Кабула и других городских поселений или других районов, где развернуты силы, имеющие мандат ООН, не было реализовано. Это дало армии главное преимущество, которое отражало решение западных стран предоставить ключевые позиции в новой администрации представителям военных. Таким образом, военные чины возглавили министерства обороны, иностранных дел, внутренних дел, а также разведку. Это породило у пуштунов подозрения в «северном доминировании»¹³.

¹³ Имеется в виду доминирование Северного альянса.

Все вышеуказанные положения, свидетельствующие о дефиците демократии в Боннских соглашениях, негативным образом отразились на их применении. Перед проведением Чрезвычайной Лойя джирги 2002 г. специальный представитель США в Афганистане Залмай Халилзад заставил бывшего короля М. Захир-Шаха отказаться баллотироваться на пост главы государства. Губернаторы провинций и начальники полиции, которые не должны были выдвигать свои кандидатуры в провинциях, где они занимали свои посты, были допущены с черного хода. З. Халилзад, Х. Карзай и глава миссии ООН в Афганистане вынудили независимую комиссию Лойя джирги разрешить президенту временной администрации назначить 50 дополнительных делегатов Лойя джирги, и губернаторы, попавшие туда таким образом, стали оказывать давление на делегатов. Т. Руттих, присутствовавший на Лойя джирге, утверждает, что З. Халилзад и Л. Брахими, возглавлявший в то время офис ООН, в маленькой палатке, куда вход был запрещен, «выкручивали руки тем, кто не хотел голосовать за Х. Карзая, и договаривались о других делах» (11, с. 3).

Сразу после вторжения 7 октября 2001 г. американские части особого назначения снабдили бывших полевых командиров¹⁴ деньгами, на которые те укомплектовали и вооружили свои отряды для борьбы с талибами. Впоследствии это дало им возможность занять и контролировать области, из которых талибы вытеснили их ранее. Оттуда они организовывали свое избрание в парламент и местные советы. Получив военную и политическую власть, полевые командиры стали завоевывать свою нишу в экономике.

Все это породило у афганцев сомнения в том, что западные страны пришли в Афганистан, чтобы превратить его в демократическую страну. Во время президентских выборов 2004 г. Х. Карзай не смог получить 50% голосов, и коалицию из главных побежденных кандидатов заставили начать второй раунд голосования. Эти манипуляции происходили на глазах у всего народа, и поэтому на парламентских выборах 2005 г. явка избирателей упала с 70% (в 2004 г.) до 50%. Принятие закона о политических партиях было отложено до тех пор, пока не стало уже слишком поздно выдвигать кандидатов в президенты от партий. В новом парламенте партийные фракции были запрещены. Произошла маргинализация самого парламента, которым стал манипулировать аппарат президента. Гражданское общество в Афганистане тоже маргинализировано, а политическая активность в университетах и школах запрещена.

Некоторые западные аналитики, изучая проблему демократизации Афганистана, считают, что провал процесса демократизации связан не с несовместимостью афганцев или ислама с демократией и не с деятельностью полевых командиров¹⁵, а с ошибочной политикой Запада, особенно в деле выбора союзников. Запад не смог и не захотел расширить базу новых афганских институтов, преследуя лишь цель создания антиталибской коалиции. В результате западные страны интегрировали в новую систему военных преступников и нарушителей прав человека, изначально делегитимизируя зачатки демократии. Деятельность западной коалиции нацелена прежде всего на борьбу с вооруженной оппозицией, и акцент на развитие демократии более не делается. Главной задачей считается скорейшее окончание «миссии» в Афганистане. Демократия, навязанная извне с помощью беспилотников, не приживается.

Главными критериями успеха трансформации политической системы Афганистана станут президентские выборы 2014 г. и парламентские выборы 2015 г. Если эти выборы пройдут плохо, это уничтожит легитимность правительства, которое лишится поддержки населения, и вместе с тем обострится этническая и межплеменная вражда, снизится эффективность управления и сузятся перспективы политического урегулирования конфликта. Аналитики полагают, что в Афганистане не будет обеспечена безопасность и стабильность, поскольку народ не доверяет своему правительству ввиду его неэффективности и коррупционности (12, с. 7).

¹⁴ Многие полевые командиры во время правления ДТ были разоружены и выдворены из страны.

¹⁵ Полевые командиры предпочитают сейчас называть себя лидерами джихада.

После вывода коалиционных сил залогом стабильности должны были бы стать слаженно функционирующие и уравнивающие друг друга политические институты, созданные международным сообществом. Однако они по-прежнему слабы и неэффективны, а политическая система излишне централизована и потому вяло реагирует на требования времени. Исполнительная власть доминирует над другими ветвями власти. Парламентский кризис 2010–2011 гг. подорвал репутацию Волееси джирги, продемонстрировав, как исполнительная власть может манипулировать судебной. Скорее всего, организационные принципы афганской государственности и после 2014 г. не будут соответствовать потребностям населения в силу коррупционности правительственных структур и превалирования так называемой патронажной системы. Существующая ныне в Афганистане патронажная система предполагает назначение чиновников на высшие административные должности за политические заслуги и поддержку линии президента. Окружение Х. Карзая вышло на политическую сцену, заявив о себе как о реформаторах, но в настоящее время превратилось в клановую группировку со своими полулегальными вооруженными формированиями и ярко выраженными экономическими интересами. В целом можно сказать, что исполнительные органы в Афганистане действуют весьма результативно в деле удержания власти, но не в состоянии эффективно управлять страной.

«На полях» гражданского общества Афганистана функционирует много неправительственных организаций, которые должны были бы наряду с органами народного представительства служить противовесом радикальным исламистским силам. Однако все они зависимы от финансирования программ, осуществляемого донорами, а это финансирование может значительно уменьшиться после вывода войск. Поэтому ЕС в рамках использования «мягкой» силы ведет переговоры с ИРА о заключении соглашения о партнерстве сроком на десять лет (данные на декабрь 2013 г.). Во взаимодействии с НАТО и ООН Евросоюз оказывает содействие в подготовке президентских выборов в 2014 г. и уже выделил на эти цели 10 млн евро. Сейчас ежегодная помощь ЕС и его государств-членов составляет 1 млрд долл. (13, с. 50). Однако у афганского гражданского общества до сих пор нет внятного плана действий по обеспечению собственного выживания после 2014 г.

Политические партии в Афганистане маргинализированы исполнительной властью: введен запрет на создание в парламенте партийных фракций и выдвижение партийных списков на выборах. Политический разлом внутри страны существует не только между правительством и вооруженной оппозицией, но и между окружением Х. Карзая и оппозицией, состоящей в основном из бывших лидеров моджахедов. При этом оппозиция не представлена консолидированным образом в политических институтах. Важнейшие решения принимаются келейно узким кругом бывших полевых командиров и советников президента. Данная группа является частью нарождающейся неоолигархии, к которой относятся представители определенных политических кругов, сросшихся с бизнес-структурами. Новые олигархические группировки выходят за рамки этнополитических разграничений. Паразитируя на потоках поступающих извне ресурсов, они концентрируют в своих руках политические, военные и экономические рычаги власти, что способствует росту социального расслоения. Безусловно, эти силы не заинтересованы в разжигании гражданской войны, поскольку им есть что терять. Но они также не желают делиться властью. А поскольку они крайне фрагментированы (существует по меньшей мере 20 политических партий, возникших на базе 8 ранее функционировавших организаций моджахедов) (8, с. 8), то вооруженный конфликт может стимулироваться и далее теми силами, которые почувствуют себя ущемленными в распределении государственных должностей и вытесняемыми из сферы принятия важнейших решений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.